

Д. Мамин-Сибиряк

ПРИЁМЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1988

Приемыш

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Аннотация
Дмитрий Мамин-Сибиряк. Приемыш
I
II
III

Аннотация

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк — выдающийся русский писатель дореволюционной России. Детство и юность писателя прошли, как он сам вспоминал, «в далёкой глуши Уральских гор».

На всю жизнь сохранил он искреннюю любовь к родному краю, к его удивительной природе.

Рассказы писателя чрезвычайно интересны сегодняшнему читателю. Ведь сейчас, как никогда, важно отношение человека к природе. В рассказах писателя природа для людей — родной дом, который они любят и оберегают.

Дмитрий Мамин-Сибиряк
Приемыш

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк — выдающийся русский писатель дореволюционной России. Детство и юность писателя прошли, как он сам вспоминал, «в далёкой глуши Уральских гор».

На всю жизнь сохранил он искреннюю любовь к родному краю, к его удивительной природе.

Рассказы писателя чрезвычайно интересны сегодняшнему читателю. Ведь сейчас, как никогда, важно отношение человека к природе. В рассказах писателя природа для людей — родной дом, который они любят и оберегают.

I

Дождливый летний день. Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особенно когда впереди есть тёплый уголок, где можно обсушиться и обогреться. Да к тому же летний дождь — тёплый. В городе в такую погоду — грязь, а в лесу земля жадно впитывает влагу, и вы идёте по чуть отсыревшему ковру из прошлогоднего палого листа и осыпавшихся игл сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которые сыплются на вас при каждом движении. А когда выглянет солнце после такого дождя, лес так ярко зеленеет и весь горит алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругом вас, и вы чувствуете себя на этом празднике желанным, дорогим гостем.

Именно в такой дождливый день я подходил к Светлому озеру, к знакомому сторожу на рыбачьей сайме[1] Тарасу. Дождь уже редел. На одной стороне неба показались просветы, ещё немножко — и покажется горячее летнее солнце. Лесная тропинка сделала крутой поворот, и я вышел на отлогий мыс, вдававшийся широким языком в

[1] Примечания: 1
Саймой на Урале называют рыбацкие стоянки.

озеро. Собственно, здесь было не самоё озеро, а широкий проток между двумя озёрами, и сайма приткнулась в излучине на низком берегу, где в заливчике ютились рыбачьи лодки. Проток между озёрами образовался благодаря большому лесистому острову, разлёгшемуся зелёной шапкой напротив саймы.

Моё появление на мысу вызвало сторожевой оклик собаки Тараса, — на незнакомых людей она всегда лаяла особенным образом, отрывисто и резко, точно сердито спрашивала: «Кто идёт?» Я люблю таких простых собачонок за их необык-

новенный ум и верную службу…

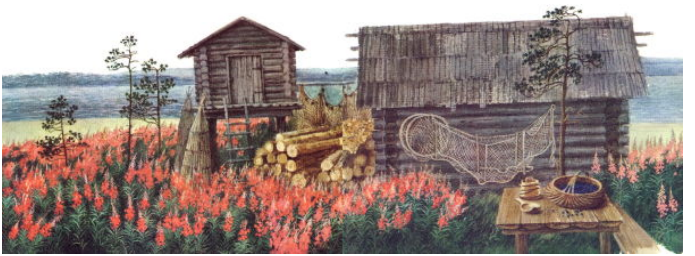
Рыбачья избушка издали казалась повёрнутой вверх дном большой лодкой, — это горбилась старая деревянная крыша, проросшая весёлой зелёной травой. Кругом избушки поднималась густая поросль из иван-чая, шалфея и «медвежьих дудок», так что у подходившего к избушке человека виднелась одна голова. Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная.

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань… Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а всё-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругом избушки всё говорило о присутствии живого человека: слабо курившийся огонёк, охапка только что нарубленных дров, сушившаяся на кольях сеть, топор, воткнутый в обрубок дерева. В приот-

ворённую дверь саймы виднелось всё хозяйство Тараса: ружьё на стене, несколько горшков на припечке, сундучок под лавкой, развешанные снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой во время рыбного лова в ней помещалась целая артель рабочих. Летом старик жил один. Несмотря ни на какую погоду, он каждый день жарко натапливал русскую печь и спал на полатях. Эта любовь к теплу объяснялась почтенным возрастом Тараса: ему было около девяноста лет. Я говорю «около», потому что сам Тарас забыл, когда он родился. «Ещё до француза», как объяснял он, то есть до нашествия французов в Россию в 1812 году.

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорелся огонёк, пустив кверху синюю струйку дыма. Дождь уже

прошёл. По небу неслись разорванные облака, роняя редкие капли. Кое-где синели просветы неба. А потом показалось и солнце, горячее июльское солнце, под лучами которого мокрая трава точно задымилась. Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя. Пахло свежей травой, шалфеем, смолистым ароматом недалеко стоявшего сосняка. Вообще хорошо, как только может быть хорошо в таком глухом лесном уголке. Направо, где кончался проток, синела гладь Светлого озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголок! И недаром старый Тарас прожил здесь целых сорок лет. Где-нибудь в городе он не прожил бы и половины, потому что в городе не купишь ни за какие деньги такого чистого воздуха, а главное — этого спокойствия, которое охватывало здесь. Хорошо на сайме!.. Весело горит яркий огонёк; начинает припекать горячее солнце, глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера. Так сидел бы здесь и, кажется, не расстался бы с чудным лесным привольем. Мысль о городе мелькает в голове, как дурной сон.

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнём. Вода уже начинала кипеть, а старика всё не было.

— Куда бы ему деться? — раздумывал я вслух. — Снасти осматривают утром, а теперь полдень… Может быть, поехал посмотреть, не ловит ли кто рыбу без спроса… Соболько, куда девался твой хозяин?

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала. По наружности Соболько принадлежал к типу так называемых «промысловых» собак. Небольшого роста, с острой мордой, стоячими ушами и загнутым вверх хвостом, он, пожалуй, напоминал обыкновенную дворнягу, с той разницей, что

дворняга не нашла бы в лесу белки, не сумела бы «облаять» глухаря, выследить оленя, — одним словом, настоящая промысловая собака, лучший друг человека. Нужно видеть такую собаку именно в лесу, чтобы в полной мере оценить все её достоинства.

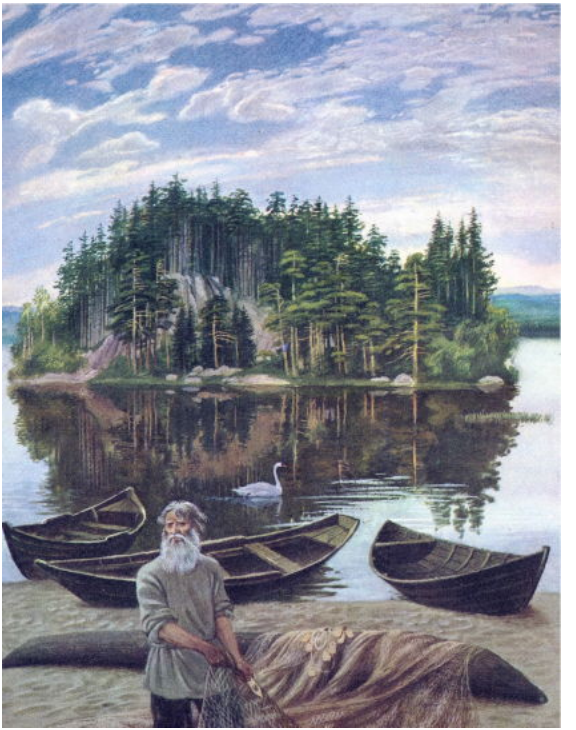

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке чёрной точкой показалась рыбачья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас… Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом — настоящие рыбаки все так плавают на своих лодках-однодеревках, называемых

не без основания «душегубками». Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай… Вот я тебе дам — уплывать бог знает куда… Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

II

Старик Тарас был высокого роста, с окладистой седой бородой и строгими большими серыми глазами. Он всё лето ходил босой и без шляпы. Замечательно, что у него все зубы были целы и волосы на голове сохранились. Загорелое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. В жаркое время он ходил в одной рубахе из крестьянского синего холста.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, барин!

— Откуда бог несёт?

— А вот за Приёмышем плавал, за лебедем... Всё тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедя?

— А бог послал, да!.. Тут охотники из господ наезжали; ну, лебедя с лебёдушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался, ребячьим делом. Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну, и поймал его. Пропадёт один-то, ястреба заедят,

потому как смыслу в ём ещё настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привёз и держу. И он тоже привык… Теперь вот скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимется, поплавает в протоке, покормится, потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждёт, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка… — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода…

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собольком веселей. Как-то один охотник забрёл ко мне на сайму, увидал лебедя и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить божью птицу? Пусть живёт, как ей от господа указано… Человеку указано одно, а птице — другое… Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрели-

ли. Ведь и есть не станут, а так, для озорства…

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Соболько́м? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Соболька и кусок отнимает. Пёс заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Соболько — по берегу. Пробовал пёс плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывёт, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет… Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг сердешный. Так вот и живём втроём.

Я очень любил старика. Рассказывал уж он очень хорошо и знал много. Бывают такие хорошие, умные старики. Много летних ночей приходилось коротать на сайме, и каждый раз узнаёшь что-нибудь новое. Прежде Тарас был охотником и знал места кругом вёрст на пятьдесят, знал всякий обычай лесной птицы и лесного зверя; а теперь не мог уходить далеко и знал одну свою рыбу. На лодке плавать легче, чем ходить с ружьём по лесу, а особенно по горам. Теперь ружьё оставалось у Тараса только по старой памяти да на всякий случай, если бы забежал волк. По

зимам волки заглядывали на сайму и давно уже точили зубы на Соболька. Только Соболько был хитёр и не давался волкам.

Я остался на сайме на целый день. Вечером ездили удить рыбу и ставили сети на ночь. Хорошо Светлое озеро, и недаром оно названо Светлым, — вода в нём совершенно прозрачная, так что плывёшь на лодке и видишь всё дно на глубине нескольких сажен. Видны и пёстрые камешки, и жёлтый речной песок, и водоросли, видно, как и рыба ходит «руном», то есть стадом. Таких горных озёр на Урале сотни, и все они отличаются необыкновенной красотой. От других Светлое озеро отличалось тем, что прилегало к горам только одной стороной, а другой выходило в степь, где начиналась благословенная Башкирия. Кругом Светлого озера разлеглись самые привольные места, а из него выходила бойкая горная река, разливавшаяся по степи на целую тысячу вёрст. Длиной озеро было до двадцати вёрст да в ширину около девяти. Глубина достигала в некоторых местах сажен пятнадцати… Особенную красоту придавала ему группа лесистых островов. Один такой островок отдалился на самую середину озера и назывался Голодаем, потому что, попав на него в дурную погоду, рыбаки не раз голодали

по нескольку дней.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья и дом, а теперь он жил бобылём. Дети перемёрли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одинокому-то в лесу…

— Одному? Тоже и скажет барин… Я тут князь князем живу. Всё у меня есть… И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю всё. Сердце радуется в другой раз

посмотреть на божью тварь… У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего… Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собольком. Ах, прокурат!..

Старик ужасно был доволен своим Приёмышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, в другой раз и не подойдёт. Свой характер тоже имеет, даром что птица… С Собольком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а

то и носом долбанёт. Известно, пёс в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде… Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

Я переночевал и утром на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорил старик на прощанье. — Тогда рыбу лучить будем с острогой… Ну, и рябчиков постреляем. Осенний рябчик жирный.

— Хорошо, дедушка, приеду как-нибудь.

Когда я отходил, старик меня вернул:

— Посмотри-ка, барин, как лебедь-то разыгрался с Собольком…

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболько с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребёнок.

III

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег. Лес и теперь был хорош. Кое-где на берёзах ещё оставался жёлтый лист. Ели и сосны казались зеленее, чем летом. Сухая осенняя трава выглядывала из-под снега жёлтой щёткой. Мёртвая тишина царила кругом, точно природа, утомлённая летней кипучей работой, теперь отдыхала. Светлое озеро казалось больше, потому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнела, и в берег с шумом била тяжёлая осенняя волна…

Избушка Тараса стояла на том же месте, но казалась выше, потому что не стало окружавшей её высокой травы. Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узналменя и ласково завилял хвостом ещё издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, барин!

— Ну, как поживаешь?

— Да ничего… По осени-то, к первому снегу, прихворнул малость. Ноги болели… К непогоде у

меня завсегда так бывает.

Старик действительно имел утомлённый вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким. Впрочем, это происходило, как оказалось, совсем не от болезни. За чаем мы разговорились, и старик рассказал своё горе.

— Помнишь, барин, лебедя-то?

— Приёмыша?

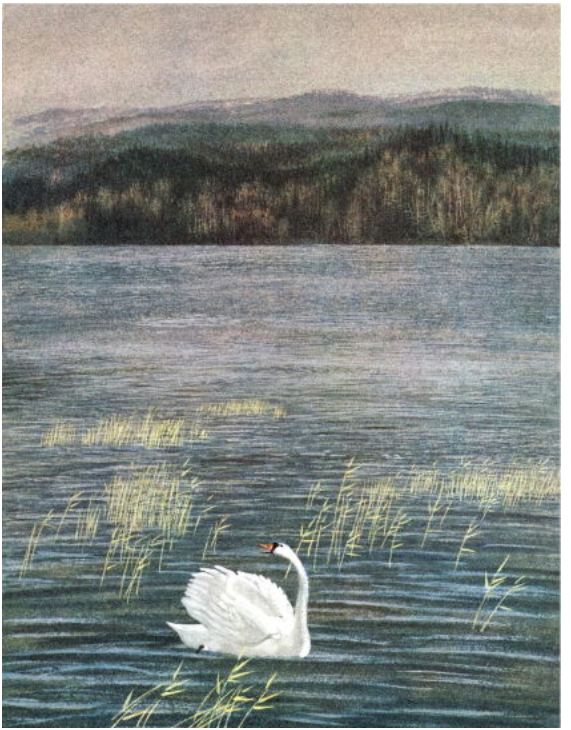
— Он самый… Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни… Да, не стало Приёмыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушёл… Вот как мне обидно это, ба-

рин!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним, я ли не водился!.. Из рук кормил… Он ко мне и на голос шёл. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Учёная птица. И ведь совсем привыкла… да! Уж в заморозки грех вышел. На перелёте стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я любуюсь. Пусть божья птица с силой соберётся: не близкое место лететь… Ну, а тут и вышел грех. Мой-то Приёмыш сначала сторонился от других лебедей: подплывёт к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, а он домой… Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Всё, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приёмыш затосковал… Вот всё равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнёт кричать. Да ведь как жалобно кричит… На меня тоску нагонит, а Соболько, дурак, волком воет. Известно, вольная птица, кровь-то сказалась…

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай… Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с

места. Только вот не скажет человечьим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в тёплую сторону полетят, а что я с вами тут буду зимой делать?» Ах, ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадёт…

— Почему пропадёт?

— А как же?.. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: всё дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелёту. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют… Ну, а мой-то Приёмыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплавает по озеру — только и всего ремесла. Где же ему перелететь? Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадёт… Непривычен к дальнему лёту.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с грустью заговорил он. — Всё равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приёмыш к стаду, поплавал с ним день, а к вечеру опять

домой. Так два дня приплывал. Тоже, хоть и птица, а тяжело с своим домом расставаться. Это он прощаться плавал, барин… В последний-то раз отплыл от берега этак сажен на двадцать, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собольком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Соболько, а где наш Приёмыш?» А Соболько сейчас выть… Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого… Мне по ночам всё грезилось, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет…

Вот какое дело вышло, барин.

